

И. Г. Тамразова
Москва, Россия

**ПОЛИМОДАЛЬНОСТЬ ФРАНЦУЗСКОГО ЭРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА:
ОПЫТ ИНТЕРАКЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается интеракциональный подход к исследованию эристического дискурса как средства выражения агональной интенциональности коммуникантов. Предметом исследования становится характерная для французской политической электоральной кампании коммуникативная ситуация прямого общения политиков с «простыми избирателями», которая является привычным форматом для СМИ. Анализ видеозаписи одной из таких речевых интеракций позволяет автору показать семиотическую полимодальность французского эристического дискурса. Автор отмечает типологические особенности французской речевой системы жестов. Отмечается параллелизм эмблематических жестов французского языка с идиоматическими стереотипными формулами — фразеологическими рефлексами. В рассматриваемом речевом взаимодействии эмблематические жесты сопровождаются определенной спонтанно-эмоциональной двигательной схемой, которую автор рассматривает как хореографию эристического речевого взаимодействия. В статье на основе анализа динамики речевого контакта выводится типология эристических жестов, среди которых индексально-интерперсональные, аутреферентные, квазиаутреферентные, метафоро-метонимические, дистанционно-аксиологические, делокутиально-аттенциональные жестовые знаки. В структуре эристического дискурса выделяется элементарная семиотическая единица — эристема, имеющая в плане содержания варьирующуюся пропозициональную и константную иллоктивную составляющую, передающую агональную интенциональность коммуниканта. В плане выражения эристема представлена паравербальным, вербальным и кинетическим уровнями. На фоне эмоционального напряжения пропозициональный план дефокусируется и происходит выдвижение в фокус жестовой и кинестетической составляющей эристемы как семиотического целого. Фиксация и полимодальный анализ эристической речевой интеракции позволяет выявить речеязыковые (кинестетические, лексические, синтаксические, идиоматические) средства выражения речевой агрессии во французском языке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: полимодальный дискурс; эристический дискурс; речевая интеракция; интеракциональная лингвистика; политическая коммуникация; французский язык.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Тамразова Илона Геннадьевна, кандидат филологических наук, заместитель начальника Центра проектной деятельности, Московский политехнический университет; 107023, Россия, г. Москва, ул. Б. Семеновская, 38; e-mail: ilona999@mail.ru.

Под эристическим в речи мы понимаем нонконформистское (критическое) речевое поведение, связанное прежде всего с нарушением норм в трех концептосферах: когнитивной — межличностной — речеязыковой (дискурсивной). Мы рассматриваем феномен эристики значительно шире исторически сложившегося узкого значения «искусство спора» [Schopenhauer 1993].

Речевое противодействие в виде несогласия, отказа, опровержения и т. д. является неотъемлемой частью коммуникации. И хотя сотрудничество и эмпатия лежат в основе зарождения человеческой цивилизации [Томасселло 2011], доминирование и борьба, конкуренция в различных проявлениях социального и политического бытия человеческого рода не менее (а, может быть, более) релевантна для некоторых типов коммуникации. Исследование механизмов речевой конфронтации продолжает быть актуальной проблемой интеракциональной лингвистики в ее социокогнитивном измерении [Болдырев, Дубровская 2015; Ирисханова 2014].

Когнитивный поворот в исследовании дискурса [Кубрякова 2004] предопределил интерес к комплексному исследованию средств речевого взаимодействия. Компьютерная метафора Дж. Фодора [Fodor 1986], определившая поворот самой когнитивистики к полимодальности, позволила осознать целостность и синергетичность когнитивно-

интеракциональных аспектов акта речи, связь верbalных и неверbalных компонентов когнитивной трансакции [Йокояма 2005]. Общение как последовательность и парадигмальность паралингвистических когнитивных манифестаций — паравербалики, мимики, жестов, проксемики — стала объектом многих актуальных исследований [Иссакова 2003].

На стадии становления языка полимодальность коммуникации имела решающее значение и как переходный этап в формировании акустического канала связи, и как компенсаторный механизм недоразвитости вокальных языковых средств выражения [Tomasello 2003]. Сегодня жесты и другие параллельные «инструменты» коммуникации рассматриваются скорее как модальности, подчиненные вербальной коммуникации, однако их значимость в коммуникации не вызывает сомнений (вспомним известную формулу А. Мехрабиана соотношения в коммуникации верbalного — жестового — визуального компонентов: «7 %—38 %—55 %» [Mehrabian 2015]). И так, как это часто бывает в науке, маргинальные явления становятся необходимым, а иногда и приоритетным направлением в исследованиях, и ученые предлагают различные подходы к трактовке полимодальности (ср.: [Ирисханова 2018; Слово 2018; События 2016; Forceville 2018]). При этом непременно складывается некий онтологически и дедуктивно предопределенный

инвариант, который может быть принят за отправную точку исследования, например, в виде некоей матрицы, требующей эмпирического наполнения. Такой онтологически обобщающий открытый классификатор полимодальной коммуникации был представлен исследовательской группой А. А. Кибрика [Кибрик 2018: 72] (рис. 1).

Речевая интеракция, содержащая эристическое противодействие, еще не была предметом полимодального исследования, однако накопленный корпусный и аналитический материал соответствующих тематических исследований [Тамразова 2009, 2013, 2016] позволяет предложить вариант рассмотрения полимодальности эристического дискурса применительно к французской лингвокультуре.

В данной статье на материале одного аутентичного эристического (агонального) речевого взаимодействия покажем взаимопроникновение эмоциональной и кинесико-жестовой модальностей, составляющих семиотическую структуру конфликтной речевой интеракции.

В целом классификация жестов аналогична классификации речевых актов с выделением семиотических — иконографического, индексального и экспрессивно-символического — аспектов, соответствующих локтивной, иллоктивной, перлоктивной (интерпретационно-смысловой) и элоктивно-импрессивной (риторической) составляю-

щим речеязыкового акта [Петренко, Алферов 2007].

Эристические речевые акты выражают *отрицающие* речевые интенции говорящих, обращенные на партнера по коммуникации (оппонента) в рациональном и эмоциональном диапазонах, в пропозиционально-аргументативном, иллоктивном, интерперсональном и собственно дискурсивном аспектах речевой интеракции [Алферов 2005].

Первым классификационным шагом в описании французской паравербальной речевой эристики будет достаточно тривиальное деление жестов на эмблематические (парадигматические) и процессуально-кинетические (спонтанные и дейктико-эмоциональные).

Оба выделенных типа французских жестов сопровождают ситуацию речевого противодействия (возражение, отрицание, опровержение, пренебрежение, конфликтная инвектива и т. д.).

Характерологической особенностью французских эмблематических жестов является их конвенционально-речевой характер [Петренко, Алферов 2007]. Практически каждый узальный французский жест коррелирует с фразеорефлексом [Тамразова 2015], являющимся его вербальной «легендой», его фразеологической номинацией. Вопрос о функционально-семантических взаимоотношениях между жестами и их речевыми коррелятами требует особого рассмотрения (см., напр.: [Тамразова 2017]).

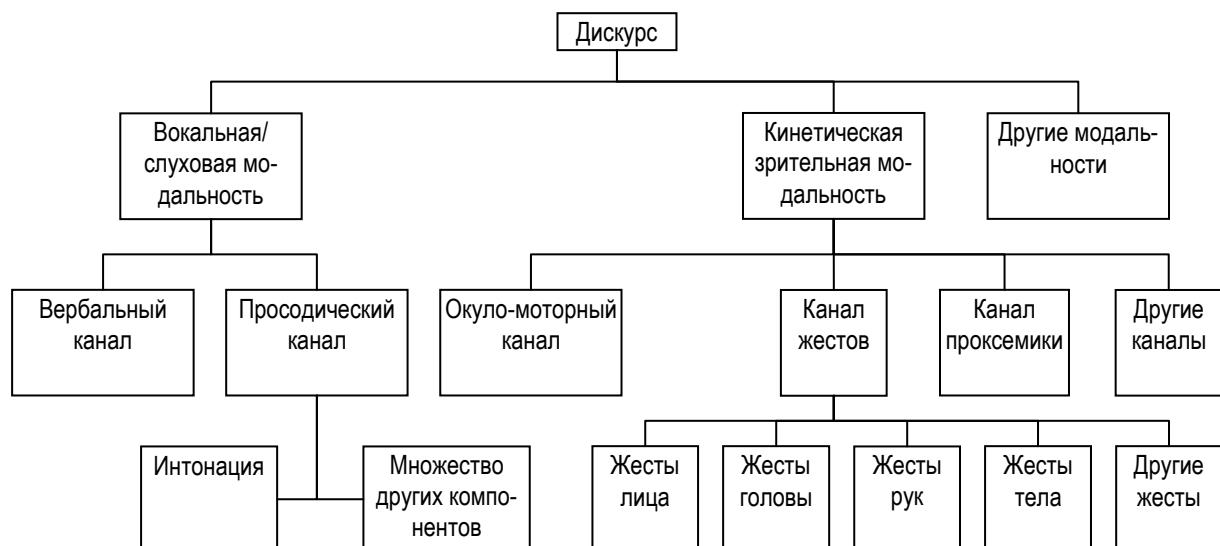

Рис. 1. Модель мультиканального дискурса А. А. Кибрика (на основе рисунка для проекта «Русский мультиканальный дискурс» [Русский мультиканальный дискурс <http://>])

Рис. 2. Конвенциональные французские эристические жесты

Рис. 3. Псевдоконвенциональные жесты и их речевые эквиваленты

Конвенциональность речевых жестов культурологически определяет лингвонациональную идентичность. Понять их значение может только человек, посвященный в семиотику жестового языка национальной лингвокультуры. С семиотической точки зрения, это прежде всего символические жесты [Cosnier, Vaysse 1997], при этом жестко кинесетически и иконографически очерченные в соответствии с принятой нормой. Следующие соответствия (рис. 2) лишь приоткрывают номенклатуру конвенциональных французских эристических жестов (стоп-фиксированных в одной из кинетических точек) и

их фразеологических номинаций (жестовый корпус составлен из видеофрагментов, представленных в Интернете [Gestes et expressions françaises <http://>]).

Следующий тип эристических жестов можно рассматривать как псевдоконвенциональные. Они также конвенциональны кинестетически, имея узуальную иконографию и характерную национальную двигательную рефлекторность. Однако их значение более прозрачно для интерпретации: их хореография приближается к спонтанной эмоциональной жестикуляции, имеющей тем не менее идиоэтнические особенности (см. рис. 3).

Конвенциональность таких жестов уменьшается, их эмоциональная мотивированность более прозрачна. Функциональная семантика этих жестов может быть интерпретирована исходя из «среднеевропейского кинестетического стандарта» (который предположительно существует, по аналогии с SAE — Standard Average European).

Исследование жестовой семантики получило достаточно бурное развитие в отечественной лингвистике в рамках функциональной прагматики (см., напр.: [Тамразова 2013]). Во французском анализе речевого взаимодействия (Analyse Conversationnelle) эта тематика также присутствует уже более 30 лет (см., напр.: [Hennel-Brzozowska 2008]). Распространение полимодального подхода в социокогнитивной лингвистике [Ирисханова 2014], в частности, в исследовании диалога [Алферов, Кустова, Попова 2013], возрождает интерес к полимодальной интеракционной синергетике и дополняет семиотический анализ речевой интеракции.

В структуре эристического дискурса нами выделяется элементарная семиотическая единица — эристема, объединяющая в плане выражения паравербальный (просодия), вербальный (речеактивный и лексико-грамматический) и кинетический (мимика — жесты и язык тела — проксемика) уровни (ср.: [Cosnier, Vaysse 1997; Hennel-Brzozowska 2008]). Эристема — это дискурсивная единица, функциональная семантика которой определяется ее планом содержания — когнитивно-референциальным компонентом, т. е. актом образования элемента смысла как составляющей макроструктурного смысла речевой интеракции.

Наиболее маркированным функциональным жанром эристики является, несомненно, политический дискурс.

Внутренне присущая политическому дискурсу агональность реализуется как на институциональном, так и на бытовом уровнях [Шейгал, Дешевова 2009]. Наиболее ярко антагонизмы политической дискурсивной

формации [Ревзина 2005] проявляются в выборочные периоды, особенно в отношениях между политическим классом и гражданским обществом: первый старается манипулировать вторым, а тот, в свою очередь, получает иллюзию «принятия решения» с обострением «гражданской позиции».

Характерной особенностью французской политической выборочной кампании становится жанр прямого общения политиков с «простыми избирателями», который является непременным форматом в СМИ/Интернете, и часто такое общение превращается в выяснение отношений с переходом на личности, т. е. в эристический дискурс в его классическом понимании. Анализ видеозаписи одной из таких речевых интеракций позволит показать семиотическую полимодальность французского эристического дискурса.

Топос интеракции: улица; проходящий сквозь толпу политик (А); человек из толпы (Б) бросает критическое замечание в адрес А, который, останавливаясь, обращается к Б.

А. (1) *Regardez-moi bien droit dans les yeux ! Les imbéciles qui distribuent des faux tracts, qui me traite de nazi, et qui racontent que j'ai des maisons et des voitures...* (Посмотрите мне в глаза! Это придурки распространяют поддельные листовки, называют меня нацистом и рассказывают, что у меня дома и машины...)

Б. (2) *<...> C'est moi le nazi?* (Это я нацист?)

А. (3) *Non, mais je sais pas, Monsieur... Je sais qu'ceux qui font ça, ils seront punis par la loi, sévèrement...* (Не знаю, месье... Я знаю, что те, кто это делает, будут наказаны по закону, жестоко наказаны...)

Б. (4) *<...> Nous verrons...* (Увидим...)

А. (5) *On verra, Monsieur... Ce qu'on va voir c' que dans ce pays tout n'est pas permis... Et il faut pas être très malin...* (Увидим, месье. Мы увидим то, что не всё в этой стране сходит с рук. Не стройте из себя умника!) — см. рис. 4.

A. (1a)
Regardez-moi bien droit dans les yeux !

A. (16)
Les imbéciles qui distribuent des faux tracts, qui me traite de nazi

A. (5a)
C' qu'on va voir c'est que dans ce pays tout n'est pas permis...

A. (56)
Et il faut pas être très malin...

Рис. 4. «Regardez-moi droit dans les yeux!»

Рис. 5. «Voilà, quarante mille euros par mois!»

Инициальная эристема **A. (1a)** выражена фразеорефлексом (стереотипной эристической формулой-вызовом) **Regardez-moi bien droit dans les yeux!** — характерным для французского речевого противодействия — и соответствующим жестом: выпрямленная ладонь движется, обозначая траекторию от глаз собеседника к глазам говорящего — индексально-иконический жест (интеракциональный дейксис «ты» — «я»). Элементарный смысл эристемы (ЭСЭ): «Ты меня задел, я вызываю тебя». Далее следует **A. (1b)**: отрицательно-оценочная пропозиция о неизвестных «плохих людях» (рука перемещается вправо-влево, подчеркивая негативное отношение к ним говорящего и их незначительный статус). Косвенный ЭСЭ **A. (1b)**: «Не надо уподобляться „каким-то подонкам“». Косвенное причисление собеседника к обозначенной референтной группе.

Эристема **A. (5a)** — утверждение-декларатив: **указательный палец выпрямлен и назидательно поднят вверх** в направлении собеседника.

ЭСЭ: «Праведное наказание ждет каждого» — косвенный акт угрозы, подтвержденный дополнительной пропозицией-фразеорефлексом **A. (5b)**: «Не надо умничать!» — прямым упреком собеседнику и конвенциональным жестом (ср. рис. 3, жест 9).

Этос интеракции: **Б.** сравнивает оппонента со скандальным политиком Бернаром Тапи.

Б. (6) <...> comme ce Tapie... (...как этот Тапи...)

A. (7) *Moi, je suis pas Tapie, j'ai rien à voir avec ça... Vous avez affaire à un homme de gauche.* (Я не Тапи, ничего общего, я человек левых убеждений...)

B. (8) <...> un salaud... (Этот негодяй...)

A. (9) *Monsieur, débrouillez-vous avec l' Tapie, c'est votre... (Месье, разбирайтесь сами с вашим Тапи...)*

B. (10) <...> un homme de gauche... qui a quarante mille euros par mois... (...левых убеждений и имеет сорок тысяч евро в месяц...)

A. (11) *Voilà, quarante mille euros par mois. Vous entendez les amis ? (Ага, сорок тысяч евро в месяц... Все слышали?)*

A. (12) *Oui, comment... alors... comment vous... Allez, démontrez comment j'ai quarante mille euros par mois... Vous ne savez pas, mais vous parlez quand même... Regardez-moi ce gros imbécile! (Да, откуда, ну да... откуда... Давайте, покажите, откуда у меня сорок тысяч евро в месяц. Нет, вы посмотрите на этого толстого идиота...) — см. рис. 5.*

A. (7a): псевдоконвенциональный жест «Запомните!», направленный на собеседника и указывающий на нарушение им личностной пресуппозиции «левый политик»; **A. (7b):** индексальный (указательный) жест — корректирующая «самопрезентация»; **A. (9)** иконографически идентичен и семантически синонимичен **A. (1b):** «Какой-то Тапи, ничего с ним общего».

Пафос интеракции: **Б.** продолжает атаковать и прибегает к косвенному акту обвинения: «Нельзя быть левым политиком и

иметь такие деньги», называя конкретную сумму в месяц. Такая конкретика, с точки зрения оппонента, требует доказательств — эристема А. (11а): *указательный палец резко направляется в лицо собеседнику*, который вынужден отстраниться: «Ага, 40 000 в месяц!» и далее А. (11б): жестовая и кинетическая апелляция к аудитории «Нет, вы посмотрите!» — указание на собеседника. Именно «аргумент» Б. (10) становится наиболее острым конфликтогеном, вызывающим речевую и кинетическую агрессию А. (12а): политик скрещивает на груди руки, голова вытягивается вперед, лицо приближается к лицу оппонента — ЭСЭ: вызов «ну давай, скажи» (ср. рис. 3, жест 11). Эристический выпад усиливается апелляцией к аудитории А. (12б): *презрительное выражение лица, открытая ладонь, разведенные пальцы* — псевдоконвенциональный кинестетический акт выражения пренебрежения.

Далее Б. упрекает А. в несоответствии статусу сенатора, коим тот, как оказалось, не является:

Б. (13) <...> *être sénateur...* (...быть сенатором...)

А. (14) *Eh oui Monsieur, vous êtes un grand imbécile... Parce que... et oui mon bonhomme... On peut pas être sénateur et député en même temps...* (Ну конечно, месье, да вы просто идиот... Потому что, да-да-да, уважаемый, нельзя быть сенатором и депутатом одновременно...)

Б. (15) <...> *C'est ce que j'disais: Monsieur est impoli...* (Ну, я говорил, он еще и обзывается...)

А. (16) *Ouah, impoli, et vous... qu'est-ce que vous êtes?..* (А, обзываются, а вы, вы что делаете?)

Б. (17) <...> *J'sais pas...* (Не знаю...)

А. (18) *Mais si, vous dites une bêtise pour enduire les gens en erreur... Regardez-moi droit dans les yeux! Vous êtes un homme ? Alors, je gagne quarante mille euros..., espèce d'imbécile... Vas-y comment tu l'sais... Vas-y, dis le voir...* (Да знаете, вы говорите глупости, чтобы вводить людей в заблуждение... В глаза мне смотреть! Ты мужик или нет? У меня сорок тысяч в месяц, недоумок... Да давай, докажи, давай скажи, скажи...)

Б. (15)

<...> *C'est ce que j'disais*
Monsieur est impoli...

А. (16)

Ouah, impoli, et vous...
qu'est-ce que vous ôtos...

Б. (19) <...> *Il va me taper dessus!* (Ох, он меня сейчас ударит!) — см. рис. 6.

А. (14) вводит аргументацию, уличающую Б в незнании законов. Опираясь на ошибку противника, А развивает наступление, «бросая в лицо» Б инвективу *vous êtes un grand imbécile*, и дает Б повод обвинить оппонента в грубости — Б. (15). При этом Б оборачивается на камеру, призывая оператора в свидетели. (Этот жест показывает, что такие пикировки вполне могут быть провокациями по отношению к политикам, вызывающими их на бурные эмоциональные реакции, которые фиксируются на камеру и выкладываются в Интернет с целью дискредитации политического противника.)

А возмущен и нападает на оппонента, повышая голос, грудью наступая на него, размахивая руками: А (16; 18а, б), чем вызывает у противника испуг — Б. (19): «Ох, он меня сейчас ударит!» Испуганный человек резко отклоняется назад, опасаясь сжатой в кулак руки противника.

Такая эристическая кульминация сменяется паллиативным окончанием диалога:

А. (20) *Je ne vous tapera pas, t'es un crétin et c'est tout* (Я вас не ударю, ты просто идиот, вот и все).

Б. (21) <...>

А. (22) *Exactement... Parce que vous mentez... Alors, je gagne quarante mille euros... Comment vous le savez, en lisant les tracts du Front National?* (Точно... потому что вы врете. Ага, я получаю сорок тысяч... Откуда вы это взяли? Из листовок Национального фронта?)

Б. (23) *Non, pas du tout, pas du tout...* (Нет. Ни в коем случае...)

А. (24) *Vous n'savez rien du tout, vous avez un poïs chiche à la place du cerveau! Eh, vous autres, l'extrême droite, voilà c'que vous êtes... Exactement.* (Да, ничего вы не знаете, у вас д...мо [мусор] в голове. Да вы, вы — это крайне правые, вот кто вы. Да, конечно).

Таким образом, фиксация и полимодальный анализ эристической речевой интеракции позволяет выявить речеязыковые (кинестетические, лексические, синтаксические, идиоматические) средства выражения речевой агрессии во французском языке.

А. (18а)

vous dites une bêtise pour
enduire les gens en erreur...

А. (18б) — Б. (19)

Regardez-moi bien droit dans
les yeux!
Il va me taper dessus!

Рис. 6. «Il va me taper dessus!»

Среди отмеченных жестов можно выделить несколько категорий: *индексально-интерперсональные* (А. 1а; А. 11б), *аутореферентные* (А. 7а; А. 7б;) и *квазиаутореферентные* (А. 7а), *метафоро-метонимические* (А. 5б; А. 12в), *дистанционно-аксиологические* (А. 1б; А. 5б; А. 7а; А. 9; А. 11б; А. 12б; А. 12в; Б. 15; А. 16), *делокутивно-аттенциональные* (А. 5а; А. 11а; А. 12б; А. 16) и т. д. (ср.: [Cosnier, Vaysse 1997]). В силу интеракционального синкетизма один жест может соотноситься с разными иллокутивными типами. Такая классификация требует метаязыковой формализации и унификации как в плане категоризации, так и в плане метаязыкового описания (терминологии, систем записи и т. д. — ср. [Кибрик 2018]).

Однако уже на начальной стадии полимодального исследования эристического дискурса сбор и систематизация корпусного материала позволяет судить о системном синергетизме речевой интеракции и конституировать взаимодействие между идиоматикой и жестами, между кинесикой и речеактивной типологией, соответствующей агональным речевым поведенческим стратегиям — от нонконформизма до агрессивной девиантности, что позволяет считать жесто-кинетическую хореографию перспективной для разработки и неотъемлемой составляющей описания французского эристического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алферов А. В. Релевантность высказывания // Вестн. Пятигор. гос. ун-та. 2005. № 1. С. 54—59.
2. Алферов А. В., Кустова Е. Ю., Попова Г. Е. Интеракциональное регулирование когнитивного пространства собеседников // Вестн. Пятигор. гос. лингвист. ун-та. 2013. № 2. С. 77—79.
3. Болдырев Н. Н., Дубровская О. Г. О формировании социокультурной специфики дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3 (044). С. 14—25.
4. Ирисханова О. К. Социокогнитивная лингвистика: структуры социальных знаний и проблемы их описания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 4. С. 5—17.
5. Ирисханова О. К. Когнитивный резонанс и его вербальные и невербальные проявления // Когнитивные исследования языка. 2018. № 32. С. 334—344.
6. Иссакова О. П. Элементы жестово-мимической системы как значимые компоненты анализа интонационно-стилистических вариантов высказывания: на материале русского языка : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2003. 167 с.
7. Йокояма О. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. — М. : Языки славянской культуры, 2005. 424 с.
8. Кибрик А. А. Русский мультиканальный дискурс. Ч. 1. Постановка проблемы // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 70—80.
9. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. — М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
10. Николаева Ю. В., Кибрик А. А., Федорова О. В. Структура устного дискурса: взгляд со стороны мультимодальной лингвистики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Диалог — 2015 : материалы междунар. конф. — М., 2015. С. 487—489.
11. Петренко Т. Ф., Алферов А. В. Проблемы семиотики : хрестоматия. — Пятигорск, 2007. Ч. 1 : Знак. Система. Коммуникация. 406 с.
12. Ревзина О. Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. — Новосибирск, 2005. Вып. 8. С. 66—78.
13. Русский мультиканальный дискурс [Электронный ресурс]. URL: <http://multidiscourse.ru/main/>.
14. Слово и жест : материалы конф. / отв. ред. С. О. Савчук. — М.: Ин-т рус. яз. им. В. Виноградова РАН, 2018. 26 с.
15. События в коммуникации и когнition : материалы Междунар. науч. конф. (Events in Communication and Cognition: Book of Abstracts), Москва, 19—20 мая 2016 г. — М. : МГЛУ, 2016. 175 с.
16. Тамразова И. Г. Функционально-прагматические характеристики эристического дискурса (на материале французского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук. — Пятигорск, 2009. 216 с.
17. Тамразова И. Г. Функционально-прагматические характеристики французского и русского эристических дискурсов (контрастивный анализ) // Вестн. Москов. гос. открытого ун-та. Сер.: Общественно-политические и гуманитарные науки. 2013. № 4. С. 55—57.
18. Тамразова И. Г. Когнитивное пространство эристики // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 85—87.
19. Тамразова И. Г. Повтор и речевая реноминация как делокутивные акты // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2015. № 11. С. 108—111.
20. Тамразова И. Г. Стереотипность делокутивов. Фразео-рефлексы // Общественные науки. 2017. № 1. С. 278—285.
21. Томаселло М. Истоки человеческого общения. — М.: Языки славянских культур, 2011. 328 с.
22. Шейгал Е. И., Дешевова В. В. Агональность в коммуникации: структура понятия // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 34 (172). С. 145—148. (Филология. Искусствоведение ; вып. 36).
23. Cosnier J., Vaysse J. Sémiotique des gestes communicatifs // Nouveaux actes sémiotiques. 1997. 52. P. 7—28.
24. Fodor J. A. La modularité de l'esprit. — Paris : Minuit, 1986. 234 p.
25. Forceville C., Jens E. K. The affordances and constraints of situation and genre: visual and multimodal rhetoric in unusual traffic signs // International Review of Pragmatics. 2018. № 10 (2). P. 158—178.
26. Gestes et expressions françaises [Electronic resources]. URL: https://yandex.ru/search/?text=10%20Gestes%20et%20expression%20fran%C3%A7aises%20-%20%20%231&clid=1955453&baner_id=04012098%3ASW-248761300016&win=127&lr=11067.
27. Hennel-Brzozowska A. La communication non-verbale et paraverbale — perspective d'un psychologue // Synergies Pologne. 2008. № 5. P. 21—30.
28. Kibrik A. A. Cognitive discourse analysis: local discourse structure // Slavic linguistics in a cognitive framework / Marcin Grygiel, A. Janda Laura (eds.). — Frankfurt am Main : Lang, 2011. P. 273—304.
29. Mehrabian A. Theoretical foundation for emotion-based strategies in political campaigns // The social psychology of non-verbal communication / A. Kostic, D. Chadee (eds.). — New York : Palgrave Macmillan, 2015. P. 198—219.
30. Schopenhauer A. L'art d'avoir toujours raison / Franco Volpi. — Strasbourg : Circé, 1993. 188 p.
31. Tomasello M. Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition. — Cambridge, MA : Harvard Univ. Pr., 2003. 388 p.

I. G. Tamrazova
Moscow, Russia

POLYMODALITY OF FRENCH ERISTICAL DISCOURSE: EXPERIENCE OF INTERACTIVE RESEARCH

ABSTRACT. The article deals with an interactive approach to the study of eristical discourse as a means of expressing the agonal intentionality of communicants. The subject of the study is the communicative situation of direct communication between politicians and "ordinary voters", which is an indispensable format of the French political electoral campaign. The analysis allows to show the semiotic poly-modality of French eristical discourse. The author notes the typological features of the French system of gestures. The parallelism of the emblematic gestures of the French language with idiomatic stereotypical formulas — phraseological reflexes — is noted. In the analyzed speech interaction, the emblematic gestures are accompanied by a certain spontaneously-emotional motor scheme, which the author considers as a choreography of the eristical speech interaction. The article on the basis of the dynamics of the speech contact gives a typology of eristical gestures, such as index-interpersonal, autoreferential, quasi-autoreferential, metaphor-metonymic, emotive-axiological, delocutive-intentional gestural signs. In the structure of eristical discourse there is an elementary semiotic unit which contains a changeable propositional and constant illocutionary component, transmitting the agonial intentionality of a communicant. From the point of view of expression the eristem is presented on the para-verbal, verbal and kinetic levels. Against the background of emotional tension, the propositional plan is defocused and the accentuation of the gesture and kinesthetic component of eristem-unit occurs. Fixation and polymodal analysis of eristical speech allows to reveal speech-language (kinesthetic, lexical, syntactic, idiomatic) means of speech aggression in the French language.

KEYWORDS: polymodal discourse; eristical discourse; verbal interaction; interactional linguistics; political communication; French.

ABOUT THE AUTHOR: Tamrazova Ilona Gennadievna, Candidate of Philology, Deputy Head of the Project Activity Center, Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia.

REFERENCES

1. Alferov A. V. Relevantnost' vyskazyvaniya // Vestn. Pyatigor. gos. un-ta. 2005. № 1. S. 54—59.
2. Alferov A. V., Kustova E. Yu., Popova G. E. Interaktional'noe regulirovanie kognitivnogo prostranstva sobesednikov // Vestn. Pyatigor. gos. lingvist. un-ta. 2013. № 2. S. 77—79.
3. Boldyrev N. N., Dubrovskaya O. G. O formirovaniy sotsiokul'turnoy spetsifiki diskursa // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2015. № 3 (044). S. 14—25.
4. Iriskhanova O. K. Sotsiokognitivnaya lingvistika: struktury sotsial'nykh znanii i problemy ikh opisaniya // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2014. № 4. S. 5—17.
5. Iriskhanova O. K. Kognitivnyy rezonans i ego verbal'nye i neverbal'nye proyavleniya // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2018. № 32. S. 334—344.
6. Issakova O. P. Elementy zhestovo-mimicheskoy sistemy kak znachimye komponenty analiza intonatsionno-stilisticheskikh variantov vyskazyvaniya: na materiale russkogo yazyka : dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2003. 167 s.
7. Yokoyama O. Kognitivnaya model' diskursa i russkiy poryadok slov. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2005. 424 s.
8. Kibrik A. A. Russkiy mul'tikanal'nyy diskurs. Ch. 1. Postanovka problemy // Psikhologicheskiy zhurnal. 2018. T. 39. № 1. S. 70—80.
9. Kubryakova E. S. Yazyk i znanie: na puti polucheniya znanii o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 560 c.
10. Nikolaeva Yu. V., Kibrik A. A., Fedorova O. V. Struktura ustnogo diskursa: vzyglyad so storony mul'timodal'noy lingvistiki // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Dialog — 2015 : materialy mezhdunar. konf. — M., 2015. S. 487—489.
11. Petrenko T. F., Alferov A. V. Problemy semiotiki : khrestomatiya. — Pyatigorsk, 2007. Ch. 1 : Znak. Sistema. Kommunikatsiya. 406 s.
12. Revzina O. G. Diskurs i diskursivnye formatsii // Kritika i semiotika. — Novosibirsk, 2005. Vyp. 8. S. 66—78.
13. Russkiy mul'tikanal'nyy diskurs [Elektronnyy resurs]. URL: <http://multidiscourse.ru/main/>.
14. Slovo i zhest : materialy konf. / otv. red. S. O. Savchuk. — M. : In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova RAN, 2018. 26 s.
15. Sobytiya v kommunikatsii i kognitsii : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Events in Communication and Cognition: Book of Abstracts), Moskva, 19—20 maya 2016 g. — M. : MGU, 2016. 175 s.
16. Tamrazova I. G. Funktsional'no-pragmatische kharakteristiki eristicheskogo diskursa (na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov) : dis. ... kand. filol. nauk. — Pyatigorsk, 2009. 216 s.
17. Tamrazova I. G. Funktsional'no-pragmatische kharakteristiki frantsuzskogo i russkogo eristicheskikh diskursov (kontrastivnyy analiz) // Vestn. Moskov. gos. otkrytogo un-ta. Ser.: Obshchestvenno-politicheskie i gumanitarnye nauki. 2013. № 4. S. 55—57.
18. Tamrazova I. G. Kognitivnoe prostranstvo eristiki // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2016. № 26. S. 85—87.
19. Tamrazova I. G. Povtor i rechevaya renominatsiya kak delokutivnye akty // Perevod i sopostavitel'naya lingvistika. 2015. № 11. S. 108—111.
20. Tamrazova I. G. Stereotipnost' delokutivov. Frazeorefleksy // Obshchestvennye nauki. 2017. № 1. S. 278—285.
21. Tomasello M. Istoki chelovecheskogo obshcheniya. — M. : Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2011. 328 s.
22. Sheygal E. I., Deshevova V. V. Agonal'nost' v kommunikatsii: struktura ponyatiya // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2009. № 34 (172). S. 145—148. (Filologiya. Iskusstvovedenie ; vyp. 36).
23. Cosnier J., Vaysse J. Sémiotique des gestes communicatifs // Nouveaux actes sémiotiques. 1997. 52. P. 7—28.
24. Fodor J. A. La modularité de l'esprit. — Paris : Minuit, 1986. 234 p.
25. Forceville C., Jens E. K. The affordances and constraints of situation and genre: visual and multimodal rhetoric in unusual traffic signs // International Review of Pragmatics. 2018. № 10 (2). P. 158—178.
26. Gestes et expressions françaises [Electronic resources]. URL: <https://yandex.ru/search/?text=10%20Gestes%20et%20expressions%20fran%C3%A7aises%20-%20%231&clid=1954453&banerid=04012098%3ASW-248761300016&win=127&lr=11067>.
27. Hennel-Brzozowska A. La communication non-verbale et paraverbale — perspective d'un psychologue // Synergies Pologne. 2008. № 5. P. 21—30.
28. Kibrik A. A. Cognitive discourse analysis: local discourse structure // Slavic linguistics in a cognitive framework / Marcin Grygiel, A. Janda Laura (eds.). — Frankfurt am Main : Lang, 2011. P. 273—304.
29. Mehrabian A. Theoretical foundation for emotion-based strategies in political campaigns // The social psychology of non-verbal communication / A. Kostic, D. Chadee (eds.). — New York : Palgrave Macmillan, 2015. P. 198—219.
30. Schopenhauer A. L'art d'avoir toujours raison / Franco Volpi. — Strasbourg : Circé, 1993. 188 p.
31. Tomasello M. Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition. — Cambridge, MA : Harvard Univ. Pr., 2003. 388 p.